

Светлана Весельева

Водяниха

славянское фэнтези

Светлана Весельева

Водяниха

<https://litres.ru/73853096>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даша — дочь утопленницы и деревенского парня. Вода слушается её, но за этот дар люди считают её бесовкой и сторонятся.

Однажды Водяной напоминает о старом долге: он позволил её родителям быть вместе и теперь требует расплаты. Даша должна уйти под воду. Если она согласится, водный народ поднимется со дна, а реки и моря поглотят сушу. За это Водяной обещает ей царский трон и свою любовь.

Но приняв его сторону, Даша навсегда утратит всё человеческое и тех, кого любит.

Остаться на берегу — значит бросить вызов самой стихии. Уйти в воду — значит предать саму себя.

Обложка создана при помощи нейросети.

Содержание

Глава 1. Русалка	4
Глава 2. Степан да Марья	27
Глава 3. Дашка — бесова дочь	42
Глава 4. Водяниха	48
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Светлана Весельева

Водяника

Глава 1. Русалка

— Поцелуй меня, — раздался звонкий девичий голос.

Степан обернулся. Девушка сидела у самой воды и улыбалась. Светлые волосы были распущены, кожа белая как первый снег, губы бледные до синевы, а глаза-омуты большие, страшные.

— Поцелуй, — снова попросила она.

Степан попятился, упёрся спиной в ствол старой ивы. Девушка засмеялась и встала. Подол её рубахи опустился в воду, намок. Она пошла к Степану, медленно переступая босыми ногами.

— Тогда я сама тебя поцелую, — сказала она и озорно улыбнулась.

Степан хотел убежать, но ноги словно вросли в землю, спутались с корнями ивы. Девушка подошла, провела рукой по его щеке. Рука её была холодной, неживой. От неё пахло талым снегом. Степан сглотнул и, кажется, совсем перестал дышать.

— Колючий, — сказала она, проведя пальцем по рыжеватой щетине на лице Степана.

Из этой щетины Степан пытался вырастить полноценную мужскую бороду, но пока получалась только торчащая во все стороны щётка.

— Как зовут тебя, сероглазый? — спросила она.

— Степан, — хрипло прошептал он.

И тут же пожалел об этом. Нельзя называть нечисти своё имя.

Надо было сказать осторожные слова, чтобы русалка испугалась, ушла в воду. Но от страха все мысли перепутались. Кружилась голова. Преодолевая слабость, он попытался отодвинуться от девушки, но шершавый ствол ивы за спиной превратился в бесконечную стену. Надо было перекреститься, прогнать морок. Но руки налились тяжестью, не поднимались. Пальцы не складывались в щепоть, а слова молитв вылетели из головы.

— А я Марья, — кивнула она. — Я утопла в этом озере. Давно. Бог не принял мою душу. А Водяной пожалел, позволил мне быть русалкой. Теперь я тут живу. На дне у Водяного богатства несметные. Сколько хочешь золота и жемчугов. Только тяжко там без солнца, без песен. Тоскливо. А ты красивый. Крепкий. Вон какие плечи широкие, за такими, как за камнем. А волосы мягкие, словно цыплячий пух. Пахнет от тебя полем. Землёй. Солнцем. Живые все так пахнут. Не бойся ты так, я тебя не съем! Рубаху тебе невеста вышивала? Рукодельница! Крестик к крестику.

Бледные губы русалки растянулись в улыбке, обнажая бе-

лые зубы. Она провела пальцем по вышитому красным крестиком вороту нарядной Степановой рубахи.

Светлело небо скорым рассветом. Пахло отгоревшими кострами, через которые молодёжь прыгала ночью. С озера потянуло свежестью. Чей-то веноч медленно плыл по воде. Над ним замерла на мгновенье синекрылая стрекоза. Жизнерадостно закричал петух в селе. Всё вокруг было наполнено жизнью. А рядом со Степаном во всей своей непостижимой красоте стояла смерть.

На Купалу парни и девушки из Андреевки собирались у Марьиного озера. Разводили костры, пускали венки по безмятежной водной глади. Гадали на будущее, да загадывали себе счастье.

Говорили, что в озере живёт Водяной. Дно было глубоким, илистым, опасным. Поэтому ночью в воду не заходили. На Купалу нечисти всё можно, за пятку схватит и на дно утянет. Или русалка любовью своей с ума сведёт.

Что только бабы не придумают, чтобы детей пугать. Степан смеялся. А надо было слушать. Теперь стоит ни жив ни мёртв и не может сморгнуть, отвести взгляд от её лица.

— Какой ты не ласковый, — упрекнула русалка. — Не нравлюсь тебе?

Тело у неё ладное, налитое. Волосы ниже бёдер лились медовым золотом. Рубаха на ней из богатой тонкой ткани. Словно соткана из лунного света. Мелким жемчугом расшила и белым шёлком. Глаза у русалки голубые, яркие, как ран-

невесеннее небо. Краше девки Степан отродясь не видел.

Только холодно от её прикосновений было так, что стыло сердце. Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы. Долго, крепко. Жизнь потекла из Степана, похолодели руки до боли под ногтями. Губы Марьи порозовели, на щеках проступил румянец.

— Приходи завтра, — сказала она, отпуская его. — Ждать тебя буду. Только ночью приходи. Больше мне не разрешат по светлому на берег выйти. Придёшь?

Степан кивнул. Русалка повернулась и пошла в воду. Она поймала плывущий венок, надела на голову. Степан так и стоял, боясь шевельнуться, пока вода не сомкнулась над русалкиной головой. Не выйти замуж той, что пускала в озеро этот венок.

Ива отпустила его. Вода в озере отражала небо и кудлатое белое облако. Птицы затеяли шумную возню в ветвях. Поднявшееся солнце обещало жаркий день. Мир снова стал безопасным.

Степан не мог отвести взгляд от того места, где Марья погрузилась в воду. Он медленно пятился, спотыкаясь и падая. Вставал, снова пятился.

Вдруг на водной глади громко плеснула хвостом крупная рыба. Поднялись брызги, пошли по воде круги. Степан очнулся, побежал, сдерживая рвущийся из горла крик.

Белёные мазанки Андреевки, окружённые плетнями и огородами, неслись ему навстречу. Надо только добежать до

дома, и морок потеряет свою силу. Надо только добежать!

Он добежал. Перепрыгнул низкий порожек, хлопнул в сенях дверью так, что полынный веник, прислонённый к стене, упал на пол.

«Полынь! Надо было сказать «полынь»! Русалки боятся её. Хрен да полынь, плюнь да покинь», — запоздало вспомнил он. В хате было тихо. Горько пахло тысячелистником. Степан прошёл в комнату.

Тётка Ульяна сидела на лавке у окна и вязала собранные лечебные травы в пучки. Иванова ночь превращает любую траву в лекарство. Ульяна собрала целый мешок и теперь перебирала растения. Хватит на зиму.

Сквозь щель в закрытых ставнях падал на пол солнечный луч, плясали в нём пылинки. Жужжала, билась о стекло муха.

Тётка посмотрела на Степана долгим, внимательным взглядом. Её худые руки, тёмные от загара, продолжали сортировать растения.

— Чёрт за тобой гнался? Чего так бежал? — спросила она.

— Надо было, вот и бежал, — огрызнулся Степан.

Набрал из ведра, стоявшего у печи, полный ковшик воды и стал жадно пить, проливая мимо рта. Тётка покачала головой.

— Жениться тебе надо. Может, дурь поутихнет, — проворчала она.

— Женюсь, когда моя невеста народится. Пойду кур кор-

мить, — ответил Степан, стараясь не смотреть на неё.

— Кормила уже. Садись, сам поешь. — Она встала, пошла к печи. — Каша ещё не остыла. Садись.

Степан помотал головой. Ушёл в свою комнату за цветастой занавеской в дверном проёме. Сменил нарядную рубашку.

— Штаны мои где? — крикнул он. — Постирать забрала?

— Ох, — всполошилась тётка. — Принесу сейчас. Забыла в огороде.

Степан услышал, как стукнулась о стену распахнутая дверь. Вскоре тётка просунула штаны за занавеску. Пахнуло нагретой на солнце травой.

— Что они в огороде делали? — спросил Степан.

— Так, над огурцами потрусила, чтобы завязывались дружно. Верное средство. Надо потрусить штанами, в которых неженатый парень по девкам ходил над огурцами. Будет хороший урожай. А я видала, как ты миловался с Наташкой за огородами, — стала объяснять тётка. — Ты если надумал сватов к Наташке слать, заранее скажи. До того, как её братья тебе ноги-руки переломают, за то, что ты их сестру тискал. Хоть бы за озеро увёл, а то на глазах у всех! Срамота!

Степан натянул штаны и вышел во двор. Дом казался тесным, давил стенами и низким потолком. Спорить с тёткой по поводу штанов не стал. Да и Наташку обсуждать не хотелось. Не до того.

— Стой! — крикнула вслед Ульяна. — Возьми-ка, цып-

лятам дай.

Она вышла на порог и протянула ему миску с рублеными яйцами и зелёным луком. Степан взял миску и направился на скотный двор. Цыплят держали в сарае, огородив их, чтобы не разбежались по двору. Степан высыпал им яйца, собрал остатки с миски пальцами и съел. Цыплята с писком устремились к еде.

Степану казалось, что Ульяна знает о русалке и ждёт, что он расскажет о ночном приключении. И от этого было стыдно, кровь раскрашивала щёки, а за грудиной муторно ворочалась тревога. Пойти ночью к озеру? Что, если русалка утащит его в воду? Но ведь в этот раз не утащила. Марья была красива бесовской, опасной красотой. И тело Степана тосковало по её ледяной близости.

Тёткин дом стоял на окраине Андреевки. Низким плетнём граничил со степью. По-над забором плотной колючей стеной рос шиповник. По углам на палках висели коричневые глиняные горшки, призванные отгонять нечисть и беду от дома.

Разнотравье каждый год старалось отвоевать себе часть огорода, обильно засыпая его семенами. Но Ульяна ревностно следила за порядком в своём хозяйстве и Степана приучала к этому с ранних лет.

Степан взял мотыгу и пошёл в конец огорода. Беспокойство не отпускало. Надо было что-то делать. Бежать. Кричать. Рассказать кому-то о русалке. И в то же время он знал,

что не сможет — должен молчать. Словно её поцелуй запечатал его губы.

Он яростно выпалывал сорняки, иногда бросая быстрый взгляд в сторону озера. Низкий плетень, казалось, разграничивал привычное житьё, и опасное предрассветное происшествие, был тем самым осторожным кругом.

Жёлто-зелёное травяное море растекалось по земле до самого горизонта, скругляющегося как край миски. Вдалеке были видны ивы, растущие по берегу озера. А в озере была она. Марья. Утопленница. Идти к ней ночью? Что может быть глупее? Унёс ноги и ладно.

В полдень Ульяна пришла в огород. Остановилась среди грядок, оперлась на палку.

— В хату иди, полдень уже, — сказала она. — Вон как жарит, как в аду.

— Не устал, поработаю ещё, — отказался Степан.

— Иди, говорю. Полудница гуляет. Прибьёт или покалечит. Иди.

Степан вздохнул и поплёлся за тёткой. Полудниц он не боялся. Нет их. Поп говорил, что это бабьи выдумки. Но вот Ульяна долго раздумывать не станет, огреет палкой так, что долго сидеть не сможешь. Он умылся во дворе, поел щей и пошёл подремать на сеновал пока спадёт жара. Не хотел разговаривать.

— Чувяки обуй! Натащишь грязи в хату босыми ногами, — крикнула ему вслед Ульяна.

Остаток дня Степан занимался хозяйством. Не давал себе лишней минуты, чтобы думать о глазах-омутах. Тётка ворчала.

В Андреевке у неё не было родни. Не по своей воле приехала она сюда совсем юной девушкой. Сын местного кузнеца Васька был той весной на заработках в большом селе Дивное, что на Царицынском тракте. Там по пьяному делу насильничал местную девку. Казалось бы, что за беда? Не убедит с неё. Но за девку вступилось всё село. Ваську били, пока тот не согласился жениться. Там же и обвенчали. Оказалось, Ульяна — сирота. Грех обижать того, у кого заступника нет. Вот и заступились всем селом.

Домой Васька приехал опухший, синий от побоев. С молодой женой. Мать его, как увидела сына с невесткой, заголосила, словно ей на двор гробы привезли с покойниками. Кричала, пока отец Васькин не отвесил ей подзатыльник и не погнал в хату.

Ульяна оказалась работающей и тихой. Опустит глаза в пол и молчит. Что прикажут по хозяйству, всё сделает. Свекровь помыкала ею, как хотела, мстила. Васька спать ушёл на сеновал, не прикасался к жене. Злился. Свёкор не вмешивался. Смотрел на Ульяну масляным взглядом, не заступался за неё и сына к порядку не принуждал.

А через месяц Васька помер. Сгорел от лихорадки за три дня. Следом отец его с матерью и сёстрами малолетними от той же болезни скончались. Ульяна осталась одна. Переоде-

лась в чёрное, завесила иконы кружевной занавеской. Глаза больше не опускала, говорила громко. Соседкам дерзила, не привечала. Высокая, худая, с пронзительным взглядом беспокойных чёрных глаз, она быстро снискала себе славу деревенской ведьмы и не возражала против этого. И что с того, что молодая? Ведьмовство ведь не от старости появляется.

Бабы долго шептались, что к Ульяне Огненный Змей тешиться приходит. Мол, иконы завесила, потому что нет там никаких икон, а дыра специальная для нечистого. Через эту дыру Змей каждую ночь в хату влетает. И уж такое там с молодой вдовой вытворяет, что спаси и сохрани!

Степан эти слухи в детстве проверял, но дыру в стене не нашёл. Образа за занавеской стояли. Те, которыми Васькиных родителей благословляли, когда они венчались: Богородица с младенчиком и Спаситель.

Ещё бабы в Андреевке шептались, что Ульяна дочь богатого цыгана или лесного колдуна. Васька обидел её, и за это вся семья померла. Откуда только сплетни эти берутся? Бабы брешут, а ветер носит.

Ульяна всё знала о травах и болезнях. Селяне удивлялись, что с такими знаниями она свою семью не спасла, но вопросов не задавали. Ходили к ней лечиться, гадать, порчу выводить. Она не отказывала. Женихов привораживала, а потом от них же невест отвораживала, если будущая свекровь в ноги падала и слёзно просила. Могла скотину лечить, домового задобрить, гулящего мужа жене вернуть. За это всегда были

они со Степаном сытыми и одетыми.

Даже поп не возражал против её заговоров. Местный ба-
тюшка страдал ячменями на глазах. Ульяна грозила ячменю
кукишем, шептала заговоры вперемежку с молитвами, пле-
вала в больной глаз, не скрывая своего удовольствия.

— На что позавидовал в этот раз, раб Божий Алексей?
— ухмыляясь, спрашивала она попа, с трудом открывавшего
воспалённый глаз.

— Да на петухов. Славные петухи у Семёна-плотника, —
поп крестился, виновато вздыхал.

— Какие у него петухи? Баба его только и способна, что
рожать каждый год. Хозяйство никудышное. Петухи — недо-
кормыши облезлые, — ворчала Ульяна, заваривая травы. —
Вон у меня петухи и то лучше. Если нужно, уступлю недоро-
го. Уж такие петухи, всем петухам петухи! А как орут утром.
Заслушаешься. Первые просыпаются.

— Да не на тех позавидовал. На крышу он поставил двух
петухов, они от ветра крутятся. Красота, — вздыхал Алек-
сий, раскрывая глаз до возможных пределов, чтобы болезнь
лучше разглядела знахаркин кукиш.

Ульяна трижды плевала через левое плечо, держа руку с
чудодейственным кукишем напротив больного глаза и шеп-
тала:

— Ячень, ячень,

С меня дуля, с тебя очи!

Сиди не на глазу, а на пне,

Не на человеке, а на звере.

Иди, ячмень, на ветер буйный,

На море синее,

Куда людская нога не ступает,

Где зверь лесной не гуляет.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Алексий размашисто перекрестился. Был он невысокого роста, зато объёмист в обхвате. Ульяна, качая головой, советовала батюшке чаще поститься, чтобы побереечь колени. Но Алексей только вздыхал, бормоча что-то про слабость человека и любовь к пампушкам с мёдом.

— Дома сваришь яйцо, — поучала Ульяна.

— Куриное? — уточнил поп.

— Петушиное, — раздражённо ответила знахарка. — Желток в землю зароешь, где воды много. Пусть гниёт твоя болезнь. А белок пока горячий приложишь к глазу. Пусть болячку вытягивает. Потом будешь промывать отваром. На, держи. Не обожгись. И не завидуй чужому добру, а то ослеп-

нешь.

— Ты бы, Улечка, мазь бы мне какую дала, — жалобно попросил поп. — Чтобы борода гуще росла. А то сама видишь беда и непотребство, — Алексей вздохнул, поглаживая тощую бородёнку.

— Не в бороде честь, борода и у козла есть, — отказала ему знахарка. — Иди, батюшка, молись за меня и Стёпку.

Поп строго запретил прихожанам называть Ульяну ведьмой. Не по статусу ему, человеку духовному у знахарки помощи просить. Но как ведьму ни назови, ведьмой она и останется.

Степана подбросили ей на порог младенцем. Родился он поздней осенью. Мать оставила его на ведьмином пороге дождливой холодной ночью. Ульяна приняла ребёнка. Кто была его мать, Степан не знал. А Ульяна знала. Наверняка знала. Но молчала, как Степан не пытал. Заботилась о нём, как умела, но мамой называть себя не разрешала.

Тётка всё про него понимала. Стоило ей только посмотреть ему в глаза, и тайну уже не сохранить. Поэтому и боялся Степан оказаться рядом с нею, делал вид, что очень занят работой.

В дом Степан зашёл, когда на землю опустилась ночь. Ульяна молча собрала поесть. Убавила огонь в керосинке. Накрыла на стол.

— А Водяной есть? — спросил Степан, усевшись на лавку. Сил молчать больше не было.

— Есть, — ответила тётка.

Она подвинула к нему миску с остывшими оладьями. Налила из кувшина молоко. Развешенные по стенам травы наполняли комнату душным степным ароматом. Жалобно замыкала под столом кошка, выпрашивая сметану.

— Брысь, — отказала ей Ульяна.

— А Бог? — спросил Степан, поливая оладьи сметаной.

— И Бог есть, — ответила Ульяна. — Крестик-то твой где? В огороде обронил?

Степан провёл рукой по шее. Обожжённая солнцем кожа зачесалась. Шнурка, на котором он носил крест, не было. Вспомнилось, как русалка водила ледяным пальцем по вороту его рубахи. Щёки вспыхнули жаром. Степан ниже опустил голову.

— Ага, в огороде потерял. Поищу завтра, — смущённо сказал он. — А ещё кто есть? Мокошь тоже есть?

— Все есть, — тётка нахмурилась. Села за стол напротив Степана. Тусклый свет лампы падал на её лицо, заостряя и без того тонкие черты.

— А кто сильнее?

— А кого кормишь, тот и сильнее.

Она уставилась на Степана. Как будто ждала главного вопроса. Как будто знала, что этот вопрос есть.

— Чем кормишь? — Степан сделал вид, что очень увлечён оладьями.

— Верю своею кормишь. Кому больше веры, тот и силь-

нее. Если сильно веришь, то сам становишься тем, в кого верил. В Бога верил — Богом станешь. В чёрта верил — чёртом будешь. Потому что все они не на небе, не под землёй, а здесь, — она ткнула пальцем его в грудь. — С чего вдруг спрашиваешь?

— Да так... Вот смотрю, ты у Мокоши просишь защиты. Иконы завесила. А когда мази готовишь — Деву Марию вспоминаешь. Мешанина какая-то. Поп к тебе ходит. Ему вроде грех, а мази твои ему помогают. Ночью на озере, говорят, русалку видели. Марью. Я думал, врут, что там когда-то девка утопла. Думал, сказки рассказывают, чтобы детей пугать, — неожиданно для самого себя сказал Степан и даже вздохнул от облегчения.

— Кто видел? — насторожилась Ульяна.

— Да Колька Федулов. Ох и орал от страха, — Степан натужно засмеялся. — Подлей молочка.

— Ты Кольке скажи, чтобы к озеру не ходил. Русалка, если кого приметила, не отстанет. Будет тянуть к озеру, пока всю жизнь из него не высосет. Пусть ко мне придёт за оберегом. Или тебе дать, передашь? — спокойно спросила тётка, наливая Степану молоко.

— Передам, — кивнул Степан, пряча глаза.

— К озеру не ходи, понял? Ставни ночью не открывай и в окно не смотри, — строго приказала она. — Крест завтра найди.

— Да я-то чего? Не ко мне же она приставала, — преуве-

лично возмущённо ответил Степан.

— Кольке передай, — сказала Ульяна.

— Да понял я. Ты бы вареников налепила с вишником. Вон ветка молодая в этом году какой урожай дала. А ты говорила пустоцвет, — перевёл разговор Степан.

— Доедай, спать пора. Собери завтра вишню, будут тебе вареники.

Дальше ужинали молча. В раскрытую дверь текла с улицы прохлада, трещали сверчки. Тонко запищал комар у Степана над ухом. Степан прихлопнул его, размазав кровь по щеке. Ульяна убрала со стола, выгнала на двор кошку и закрыла на щеколду дверь.

Спал Степан беспокойно. Сквозь сон казалось ему, что Марья стоит за окном. Полная луна светит ей в спину, превращая в тёмный силуэт. Она смотрит в его окно и ждёт, когда он откроет глаза. Марья что-то говорит, но голоса её неслышно.

Ульяна укрывает его своим платком и громко шепчет: «Водяница, лесовица, шальная девица! Отвяжись, откатись, в моём дворе не кажись! Тебе тут не жить, не быть. Степан золотой крест целовал, ему с тобой не водиться, не кумиться. Ступай в озеро глубокое, к водяному хозяину. С ним тебе жить, с ним тебе спать, а Степана крещённого тебе не видеть».

В больших синих Марьиных глазах блестят слёзы.

В хате душно. Навязчиво пахнет какой-то травой. Хочется

распахнуть двери, впустить воздух. Но Степан боится откинуть покрывало и встать, оказаться беззащитным перед синим взглядом. Во сне прозрачная гладь озера смыкалась над его головой, и он видел розовое рассветное небо сквозь воду. На грудь наваливалась тяжесть. Его крик тонул вместе с ним то ли в озере, то ли в Марьиных слезах.

Ульяна намотала на его запястье красную нить. Её чёрные глаза казались огромными. Слышно, как за окном рвёт ставню ветер. Ветка ореха стучит по крыше. Воет-плачет поднимающаяся буря. Гроыхнуло небо, вспыхнуло золотой зарницей у горизонта.

Ульяна завязывает узелки на красной нити приговаривая:
«Во имя Отца, и Сына, и Духа Святого.

Иду я не одна, иду я с Богом.

За спиной моей — ангелы,

Передо мной святые кресты.

Русалка-девица, водяная сестрица,

Чтоб тебе Степана не видеть,

Чтоб тебе Степана не слышать,

Ни в полдень, ни в полночь, ни на заре.

Иди ты, русалка, в своё озеро,

В омут чёрный, в лес дремучий,

Где ветры воют, да трава не растёт,

Где свет Божий не сияет.

Там тебе место, там твой покой,

А от раба Божьего Степана отстань навек,

Слово моё крепко, дело моё лепко.

Ключ, замок, язык. Аминь».

Марья за окном заламывает руки, ветер треплет её волосы, бросает их ей в лицо. Мечется луна между облаков, горит желто и страшно, как кошачий глаз. И озеро подступает к хате со всех сторон. Вот оно уже бьётся волной за окном. Запах трав в доме мешается с запахом болотной сырости. Степан тянет на лицо покрывало, старается спрятаться. Но ничто не может его спасти. И чувство безысходности сжимает сердце.

Крик петуха разбудил Степана. Он вынырнул из ночного кошмара. Кровь шумела в ушах, голова кружилась. С трудом поднявшись с постели, словно после тяжёлой болезни, Степан вышел на улицу. Он долго сидел на порожке, не мог отдышаться. Волосы, мокрые от пота, прилипли ко лбу, руки дрожали.

Тётка выгнала корову в стадо и кормила птицу на скотном дворе. Гоготали гуси, орал петух. Старая Кутя повизгивала, выпрашивая свою миску еды. Привычные звуки и запах скотного двора успокоили колотящееся сердце. Это был всего лишь дурной сон.

Серая кошка пристально смотрела на Степана из кустов. — Брысь! — прикрикнул Степан и бросил в кошку камешком.

Он не пойдёт к озеру. Никогда больше не посмотрит в его сторону. Какая может быть любовь с русалкой? Она ведь мёртвая. На запястье он обнаружил красную нить, завязанную на несколько узелков.

— Не снимай, — строго приказала Ульяна.

Степан вздрогнул от неожиданности, поднял голову. Тётка стояла перед ним в мятой от сна рубаше и фартуке, который она держала за край, не позволяя вывалиться оттуда огурцам. Нечёсанные с ночи волосы были перевязаны белой снежной косынкой.

— Ночью буря была? — спросил Степан, с трудом ворочая языком. Во рту пересохло.

— Буря. Воробьиная ночь. Черти воробьёв считают, а Бог нечистиков молниями бьёт. Ударит по чёрту молнией и пойдёт чёрт. А если второй раз в него молния попадёт, то воскреснет нечистый и спрячется под корягой. А Бог сердится, ветер разгоняет, тучи сталкивает. Вот и буря. Всех бьёт: русалок, ведьм, чертей...

— Тебя не убил, — улыбнулся Степан.

— А меня, значит, не за что. Не снимай! — строго сказала она и пошла в дом.

— А я смотрю от моих штанов огурцы лучше, чем от навоза растут, — пошутил ей вслед Степан.

Потянулся жаркий летний день. Идти к озеру или нет?

Когда круглое оранжевое солнце коснулось своим краем горизонта, готовое провалиться под землю, в душе Степана снова разлилась тревога. Марья будет ждать. Он обещал. Да что она может сделать ему, сильному парню? И крестик надо бы найти. В том, что он не в огороде потерялся, Степан был уверен.

Он открыл ворота, ожидая, когда войдёт корова, медленно ступая и раскачивая выменем. Ульяна с ведром пошла в коровник. Гуси затеяли вечернюю переключку, хлопая крыльями. Над селом поплыли запахи еды, скошенной травы и полыни, обильно растущей везде, где до неё не дотянулись хозяйские руки. Разогретая летней жарой земля отдавала тепло, обещая душную ночь.

Он не пойдёт к озеру. Глупо держать обещание, данное нечисти. Опасно. Да и зачем? Целоваться ему, что ли, не с кем? На селе для этого живые девчата есть. И любить умеют крепко, и губы у них горячие. Вот, хотя бы Наташка. Чем не невеста? Сдобная, мягкая, как пасхальный кулич.

Степан закрыл ворота и пошёл по тропе к озеру, срывая на ходу веточки полыни. Русалки боятся полынь. Он натолкал

горьковато пахнущих веточек полный карман. Да она может, и сама не придёт. Иванова ночь закончилась, русалки должны сидеть в озере.

Ивы тихо раскачивали ветвями-косами. В озере шумно плеснула хвостом рыбина. Луна уставилась в воду, любуясь своим отражением.

Марья сидела у воды. Она тихо пела грустную песню, и сердце Степана сжалось такой тоской, что захотелось обнять её, прижать к себе и долго гладить по волосам. Пока её горе не утихнет. Он вытряхнул из кармана собранную полынь. Сорвал с руки нить-оберег.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала Марья. — Я скупала. Прошлой ночью я приходила к тебе, но ты спал. Ты поцелуешь меня?

Степан подошёл, сел рядом, запустил пальцы в её волосы и прижался губами к её губам. Холод потёк по жилам, заволокло липким туманом голову, и мысли остановились. Наступила полная тишина. Луна слепила, разрастаясь на чёрном небе.

— Стёпушка, — прошептала Марья. — Забери меня из озера. На землю хочу, к солнышку. Любить хочу. Забери.

Она обхватила его лицо ладонями и покрывала короткими, холодными как льдинки поцелуями.

— Как же я заберу тебя? — удивился Степан. — Ты ведь русалка.

— Полюби меня. Замуж позови. Батька добрый, он отпу-

стит, — шептала Марья. — Полюби!

— Батька? — не понял Степан.

— Водяной. Он добрый. Как отец мне. Он принял меня, когда я утонула. В доме своём поселил. Жемчугами одарил. Обещал, что горе моё пройдёт и я буду счастливой. А горе не проходит. Я ведь от несчастной любви утопилась. Жених мой другую полюбил, разбил моё сердце. Свадьбу с ней сыграл. А я пришла сюда и в воду бросилась. Полюби меня, — просила Марья.

— Люблю, — согласно прошептал Степан, укладывая Марью в сочную траву и задирая ей рубаху.

Перед рассветом Марья ушла в озеро. Степан долго сидел и смотрел на воду. Поднявшееся солнце отогрело его замёрзшее тело, разогнало туман в голове. Степан вдруг ужаснулся, осознав, что произошло. Он не помнил, как шёл к озеру. Как будто спал, пока ноги несли его к Марье в объятия. Не понимал, как согласился на ледяные ласки, почему не испугался и не убежал.

Надо попросить у тётки другой оберег. Надо признаться, что это его морочит русалка. Но день прошёл, и Степан снова шёл к озеру, срывая по пути горькие веточки полыни. И снова кровь стыла в жилах от Марьиных поцелуев. А сердце замирало от мольбы: «Полюби меня!»

Прошла неделя. А может, две. Степан жил две жизни: одну обычную дневную, вторую ночную, страшную. Тётка промолчала, когда заметила, что Степан снял красную нить с

руки. Дала ему оберег «для Кольки» и посмотрела в глаза. Словно хотела в душу заглянуть. Он опустил голову.

Оберег Степан закинул в степь, когда шёл к своей русалке. Он похудел, глаза его обвели тёмные тени. Когда-то высокий, плечистый парень сгорбился, а в светлых, отливающих рыжиной волосах появилась проседь. На селе стали обзывать шатуном. Тётка шептала над ним заговоры, просила Мокошь о помощи, молила Богородицу. Степан клялся себе, что больше никогда не пойдёт к Марье. Но стоило солнцу провалиться за горизонт, и он снова шёл по тропинке к ивам, хранящим тайны озера.

Глава 2. Степан да Марья

Кончилось лето. Сентябрь сухой и тёплый гнал пыль, гоготали гуси, хлопая крыльями и взлетая над землёй. Словно собирались в дорогу. Пахло скорой осенью и от озера вечерами веяло прохладой.

Урожай андреевцы собрали хороший, зиму надеялись пережить в сытости. Оставили на поле несколько несжатых колосьев, связали их узлом. Алексей сам прижал их к земле со словами: «Илье на бороду, чтобы святой угодник не оставил нас на будущий год без урожая».

Готовились играть свадьбы. Молодёжь собиралась на вечерки, бабы звали соседок на «капустки». Капуста удалась крупная, плотная. Рубили и солили её сообща, с песнями и щедрым застольем.

До холодов ещё далеко. Днём солнце пригревало полетнему. Но день уже стал короче, а ночи темнее. Повернул год на зимнюю смерть. Скоро завьюжит, скуёт озеро льдом.

Степан приходил к Марье каждую ночь. Он больше не боялся её. Иногда ему казалось, что в сердце его живёт та самая любовь, которой так хотела русалка. Может быть, любовь растопит лёд, которым сковано Марьино мёртвое тело. А Марья с каждой ночью становилась всё веселее.

— Любишь? — смеялась она, убегая от Степана, прячась за ивами.

— Люблю! — выкрикивал он, стараясь поймать её.

— Тогда догони!

Степан бежал за ней, тянул руку, чтобы схватить за рубашку. И в душе разливалось счастье. Живое, тёплое, настоящее.

— Догоню! — кричал он смеясь.

— Угломнитесь уже! Всю Андреевку перебудите! — раздался чужой мужской голос.

Степан замер и уставился в озеро. Там стояло существо столь нелепое и невозможное, что Степан не сразу испугался. Он тарачился на Водяного, а тот покачивал крупной головой с вывернутыми рыбьими губами. У него были маленькие круглые глазки, зеленовато-коричневое тело, кое-где покрытое крупной чешуёй. Он был похож на раздувшегося от долгого лежания в воде утопленника. Марья ойкнула и встала рядом со Степаном.

— Иди сюда, — сказал Водяной Марье и поманил её когтистой длиннопалой рукой. — И ухажёра веди. Заигрались, как я погляжу. Все сроки уже прошли. Нельзя тебе на берег выходить, а ты всё не угломнишься.

— Не пойду. Отпусти, батюшка. Мы любим друг друга, — сказала Марья и молитвенно сложила ладони.

— Любишь её? — спросил Водяной и скривил губы в усмешке.

Степан кивнул. В горле от страха пересохло. Он бы сейчас на любой вопрос кивнул.

— Раз любишь, так и иди с ней. Места в озере на всех хва-

тит. В доме моём подводном поселю. Свадьбу сыграем не хуже, чем в твоей Андреевке играют. Приданое за ней дам как за царицей. Ну? Всё ещё любишь? — Водяной рассмеялся.

Степан отступил. Идти в озеро — значит умереть. Да разве можно умирать таким молодым? Любовей может быть сколько хочешь, а жизнь всего одна. А Марья встала перед ним, закрывая собой. Стало стыдно за минутную слабость. Это он должен был защищать её. Степан вышел вперёд и, заикаясь от страха, попросил:

— Отпусти Марью! Люблю её, замуж возьму. Беречь буду. Отпусти! Всё что хочешь взамен дам.

— Всё? — удивился Водяной. — Что ты можешь мне дать, чего у меня нет? Может, душу свою?

Степан потянулся рукой к шее, туда, где раньше висел крест.

— Душу не могу. Марусе отдал, — испуганно ответил Степан.

— Женишься, значит? На утопленнице? Нда-а... повеселил, спасибо. Марья, пора домой.

Водяной отвернулся, направляясь в глубь озера.

— Отпусти, батюшка! — снова взмолилась Марья. — Ты же обещал, что я буду счастливой. Ты обещал!

В голосе её послышались слёзы.

— А ты будешь счастливой? — с сомнением в голосе произнёс Водяной.

— Буду!

Водяной молча рассматривал Степана, и от его взгляда хотелось провалиться сквозь землю. Потом хозяин озера наклонился, пошарил рукой на дне, что-то бросил на берег к ногам Степана.

— Это Марьино приданное, — сказал Водяной.

Степан посмотрел на землю. Там россыпью лежали золотые монеты с изображением царя и бусы из речного жемчуга.

— Дом ей построишь. Тут на берегу озера. Хозяйство заведёшь. Хочу, чтобы жилось ей богато. Придёшь за ней в апреле. Провезёшь по селу, представишь, как свою венчанную жену. Обидишь — на дно утащу. Из самой малой капли воды тебя достану. А теперь уходи. Нам пора.

Водяной строго посмотрел на Марью и пошёл в озеро. Русалка поцеловала Степана на прощание и ушла в воду. Больше Марья на берег не выходила. Степан приходил, ждал её, звал. А потом поехал на ярмарку, продал жемчуга и стал строить дом. Селяне ему помогали.

У озера выкопали яму, чтобы глину месить. К глине добавляли солому, польнь и коровьи лепёшки. Бабы, задрав юбки и обнажив колени, топтались в этом месиве, вымешивали. Мужики лепили кирпичи, ставили на просушку.

Печь выложил Прохор – печник от Бога. Будет тепло в хате, не дымно. Сложили баньку, внутри оббили деревом. Выход из бани сделали прямо к озеру, на пологий бережок.

Амбар и сараюшку построили на скотном дворе. Степан между ними навес сделал. Под навесом будку собачью по-

ставил. Всё мечтал, как коровку заведёт, птицу, поросят. Петух будет орать по утрам и будить их с Марьей жить новый счастливый день. А потом детки пойдут. Им хорошо будет на берегу озера, привольно.

Внезапное богатство сделало Степана желанным женихом. На строительстве дома каждый отец хвалил свою дочь, а каждый брат — сестру. Степан отшучивался, никому обещаний не давал и в зятя не стремился.

Хата получилась крепкая, просторная. С большой печью, крашенными в синий цвет ставнями, камышовой крышей. Ульяна принесла икону, чтобы было кому за домом присмотреть.

Степан переселился от тётки в новый дом, начал обжигаться. Кур завёл, корову. Нарядов для молодой жены закупил, горшков всяких и тарелок. Прялку в угол поставил. Всё представлял, как сядет Марья рукодельничать, запоёт песню. За окном будет снег идти, выюга наметёт сугробы. А дома тепло и сыто. Степан будет слушать Марьину песню, смотреть, как крутится колесо и тянется, вьётся тоненькая шерстяная нить. Длинная, как сама жизнь.

Зима в том году началась рано. Занесло снегом степь, заледенели ивы, замёрзло озеро. Торчали сквозь снег прямые жёлтые камышины, а за ними только белая бесконечность.

Одному вечерами было тоскливо. Выл-плакал за окнами ветер. Степан принёс от Ульяны серого котёнка, чтобы как-то скрасить одиночество. В гости к Степану никто не ходил.

Далеко от села по сугробам тащиться.

Раз непогода разбушевалась так, что, казалось, снесёт ветром крышу. Степные волки подошли совсем близко к дому. Степан иногда слышал их вой сквозь шум ветра. Пёс забился в будку и изредка потягивал, не зная, что хуже: привлечь к себе внимание хищников или неудовольствие хозяина за то, что не прогнал чужаков.

Степан ужинал. От печи шло тепло. На стол падало круглое жёлтое пятно света от керосиновой лампы.

— Доброго вечера, хозяин, — раздался в сенях голос.

Дверь открылась, впуская холод. В комнату вошёл Водяной, стряхивая с плеч снег, остановился в дверях. Запахло сыростью. Степан кивнул, чувствуя, как холодеют от страха руки.

— Пора нам с тобой о деле поговорить, — сказал ночной гость и прошёл к столу. Сел на лавку напротив Степана. — Угощай тестя, жених-самосват, — растянул Водяной рыбки губы в улыбке.

Степан засуетился, стал подвигать к гостю хлеб и картошку. Принёс из сеней солёных огурцов и сало, завёрнутое в полотенце, стал резать. Руки его дрожали. Водяной взял картофелину. Откусил. Жевал медленно, смотрел на Степана.

— Марья мне как дочь. Я обещал, что она будет счастливой. Но ты ей не пара, — сказал он. Степан сел, положил руки на колени и молча уставился на гостя. — Хороший дом построил, годится, — одобрил Водяной. — Вот, возьми. По-

дарок вам мой.

Он поставил на стол шкатулку, украшенную красными камнями. Степан вытянул шею, рассматривая подарок. Водяной поднял крышку. Шкатулка доверху была набита монетами. У Степана даже дыхание перехватило от такого богатства.

— Вот что, Степан, — сказал Водяной, — я с тебя глаз не спущу. Будешь любить её и беречь, иначе на дно утяну. В гости ко мне будешь отпускать. Люблю я, как Марья поёт. Скучно на дне. Тихо там, мрачно. Самое дорогое тебе отдаю, береги её. Отпущу на год. Если не понравится ей обратно приму. А если понравится, потом видно будет.

Степан кивнул. Водяной пропал, оставив мокрое пятно на лавке и недоеденную картофелину. Шкатулку с деньгами Степан спрятал в погребе. Туда мимо пса не пройдёшь, надёжнее, чем в доме. Стал ждать весны.

В условленное время, в начале апреля, Степан запряг лошадь в телегу, навесил колокольчиков и ярких лент, принарядился. Пришёл к озеру за невестой. Ночь была тихой, лунной, настороженной. Степан ждал, кутаясь в тулуп. Снег уже сошёл, но ночи ещё были холодные.

Он представлял, как станут жить они с Марьей на зависть всем. Такой красоты, как у его русалки, ни у кого нет на всём белом свете.

Перед самым утром Водяной вывел Марью на берег. Степан бросился укрывать невесту шубой и вдруг увидел, что

перед ним не русалка волшебной красоты. Живая Марья оказалась ничем не примечательной веснушчатой девкой, маленького роста с тощей русой косой. Она обняла его за шею, подставила губы для поцелуя. А он вдруг смутился, замешкался. Это было нечестно!

— Обидишь — утоплю, — грозно напомнил Водяной.

Степан поцеловал Марью, обнял за плечи, повёл к телеге. Было обидно за обман и страшно за свою жизнь.

Марья без умолку говорила, как она рада снова оказаться на земле среди живых людей, как любит своего Стёпушку, как счастливо они будут жить. Степан молчал. Хмурился.

Они проехали через всё село, звеня колокольчиками. Селяне выглядывали из хат, Степан представлял им молодую жену.

Заехали к Ульяне, чтобы поклониться. Но тётка поджала губы, покачала головой и ушла в хату, не позволив молодым войти за ней.

Марья поникла. До своего дома они сидели в телеге молча. В самый счастливый день не было в их сердцах главного: счастья.

Марья не смогла войти в новый дом. Остановилась на пороге. Ноги её словно приросли к деревянной ступеньке. Она смотрела на Степана растерянно, в глазах заблестели слёзы.

Степан вошёл в хату, вынес чудесную теткину икону и спрятал в бане. А в красном углу задёрнул кружевные занавески. Только после этого смогла Марья войти в своё новое

жилище.

Котёнок при виде новой хозяйки выгнулся дугой, взъерошил шерсть и яростно зашипел. Марья хотела приласкать его, но котёнок забился в угол, а при первой же возможности сбежал из дома.

И зажили Степан с Марьей вдвоём. Новая Марья оказалась весёлой и хозяйственной. Только как не старалась держать дом в порядке, а каждое утро по углам хаты разрасталась плесень серым мхом. Пёс при виде хозяйки забивался в будку и жалобно скулил. А корова Зорька доилась скисшим молоком. Марья гладила её по бокам, приносила кусочек тыквы, чтобы побаловать. А потом плакала, пробуя молоко.

Степан сам стал ходить за скотиной. Чистил коровник, кур кормил, доил Зорьку, жаловался псу на странную семейную жизнь. Посадил сад, перекопал огород, засадил капустой, картошкой да всякой зеленухой. По плетню горох пустил и подсолнухи. Придёт лето, будут они глаз радовать, как солнышки.

Марья старалась быть хорошей женой. Но всё было напрасно. В душе Степана жила горькая обида за обман. Не такую он полюбил. Полюбил ли?

В свой срок вступило в права лето. Степь пахла разнотравьем, звенела птичьими голосами, стрекотала в траве невидимыми насекомыми.

Марья стала грустной и молчаливой. Она больше не пела.

Часто сидела на берегу и смотрела в озеро, думала о чём-то. Степан не знал, как помочь, что спросить. Ходил к тётке, жаловался, что Марья заболела, а говорить, что с ней не хочет.

— На то она мужняя жена. Хлебнёшь горя с такой женой, — проворчала Ульяна и дала Степану каких-то трав. — На, пусть пьёт. Тошнить по утрам не будет. Я предлагала ей вытравить дитя, да она не слушает.

— Как вытравить дитя? Какое дитя? — непонимающе спрашивал Степан, сминая в руках мешочек с травами. Трава внутри шуршала, крошилась.

— Дурак ты, Степан! Дитя она носит. Нельзя ей рожать, не будет от мёртвого живого. Не будет, попомни мои слова! — в тёткиных глазах не было сочувствия.

— Давно ты знаешь? — тихо спросил Степан, опустив голову.

— А как русалка Кольке Федулову привиделась, так и знаю. Домой иди.

— Что же не защитила меня?

— Ты сам не хотел. Оберег не носил. Икону заговорённую из хаты вынес. Как защитить того, кто не хочет защиты? Сам выбрал эту жизнь, сам за неё в ответе.

Дома Степан отдал травы Марье. Теперь они все больше молчали. Жили как будто каждый сам по себе. Марья готовила приданое ребёнку. Степан притащил от тётки свою детскую люльку. Не получилось у них любви. Оба ждали, когда кончится год их семейной жизни и Марья снова уйдёт в озе-

ро. Они не говорили о ребёнке. Как будто его не было.

Рожала Марья в конце марта. Серые сумерки холодного утра были тихими, безветренными. Природа замерла, как перед бурей. Зима ещё мешалась с весной, но снег уже сошёл, прибитый первым весенним дождём.

Марья два дня мучилась родовыми болями. Ульяна не отходила от неё, поила травяным настоем. Марья страшно кричала, проваливалась в беспамятство. Знахарка обливала её лицо холодной водой. Лоб и грудь Марьи покрывала испарина. Смерть рождала жизнь. Это было неправильно.

Ульяна укладывалась ей на живот, стараясь помочь. Звала на помощь Мокошь и Богородицу, просила прощения за себя и утопленницу Марью, шептала слова заговоров и молитв.

Степан сидел на крыльце и слушал, как заходится криком жена. За голыми ивами по колено в воде стоял Водяной и смотрел в сторону дома Марьи. Он не мог ей помочь. Жизнь не в его власти. Он будет ждать Марью здесь, он обнимет её, вытрет ей слёзы и отведёт в подводный терем. Всё будет как раньше. Крики роженицы разрывали ему сердце.

А потом всё стихло. Не кричала Марья. Не плакал младенец. Страшная томительная тишина длилась и длилась. Загоготали на хоздворе потревоженные чем-то гуси. Лениво, протяжно зарокотало небо скорым дождём. Тяжёлые капли застучали по крыше. Степан слышал только тишину. Он встал, повернулся лицом к двери. Замер. Не знал, надо ли войти или ждать, когда его позовут.

Он уже понял, что там за дверью случилось горе. Страшное, большое. Горе, которое не пережить. И в этом опустошающем горе он вдруг понял, что Марья дорога ему любая. С веснушками, громким смехом, тощей косой. Не красота ему была нужна. А её песни в вечерних сумерках. Её тёплые руки.

Дверь открылась. Ульяна кивком пригласила войти. Марья лежала, раскинув ноги на постели. Перепачканная кровью простыня ярким пятном врезалась в память Степана на всю жизнь. Его русалка была неподвижна. Ульяна протянула Степану свёрток. Он взял ребёнка, боясь смотреть на Марью. Боясь к ней подойти, оттягивая этот неизбежный миг, проглатывая кипящие у горла слёзы.

— Успела назвать её Дашкой, — сказала Ульяна. — Слабенькая, не знаю доживёт ли до следующего утра. Окрестить надо.

Степан посмотрел на сморщенное маленькое личико. Девочка открыла глаза. Чистые, синие, словно отражающееся в озере ранневесеннее высокое небо. Она внимательно посмотрела на Степана и улыбнулась.

— Что я буду делать с нею один? Помоги мне, — прошептал он.

— Попа надо позвать, — сказала Ульяна и подошла к нему, посмотрела на ребёнка. Лицо её вдруг окаменело, брови поднялись. — Не надо тебе её. Пусть помирает. Нечистая душа! Говорила, надо было вытравить. Не надо тебе её! Дай

мне! Нормальное бы дите кричало, а эта улыбается. Не бывает так! Бес в ней!

— Замолкни! — прикрикнул Степан, прижимая к себе дочь. — Домой иди. Ворона старая!

— Попа приведу, — ответила Ульяна с порога. — Окрести. И не позволяй крест снимать. Машке ноги прикрой. Дурак ты, Степан! Наплачешься ещё.

Хоронили Марью на краю кладбища. Селяне шептались, крестились, жалели Степана. А он, опустив голову, тихо плакал. Небо плакало вместе с ним. Дождь не прекращался третий день.

Гроб опускали в воду, на треть заполнившую могилу. В раскисшей земле не держался крест. Заваливался набок, наклонялся почти к самой земле. Мужики раскапывали его, закрепляли. Закапывали. Поп нервничал, крестился, бормотал молитву. Ульяна качала головой и шептала что-то себе под нос.

Степану не было до их осуждения никакого дела. Дождь сменился крупными хлопьями снега. Они падали на мокрую землю и не таяли, укутывая мир в белый саван. Марья умерла. Всё умерло.

После похорон он вернулся в дом. Положил новорождённую в колыбель. Склонился над ней, рассматривая спящую дочь.

— Почему ты не вернул её мне? — спросил Водяной.

Степан оглянулся. Водяной сидел за столом. Казалось, он

постарел, стал меньше ростом, сгорбился. Степан поставил на стол стаканы, бутылъ самогона, миску с хлебом, достал из печи картошку. Сел. Горе вдруг сделало их самыми близкими существами в холодном заснеженном мире. Промозглый день мешался с такими же сумерками. Мир вокруг казался пустым, серым, мёртвым.

— Я хотел похоронить её по-человечески, — сказал Степан, опустив голову. — Не хотел, чтобы она снова утонула. Не хотел, чтобы она лежала в холодной воде.

— А о душе её ты подумал? — зло выкрикнул Водяной. — Что с ней теперь будет? Она теперь одна в темноте и холоде. Она там одна, понимаешь? Её больше некому защитить!

— Я хотел, чтобы она успокоилась, — растерянно прошептал Степан. Он видел слёзы в глазах Водяного. Он не знал, что нечисть может страдать так же, как он сам.

— Никогда она не успокоится! Теперь никогда, — кричал Водяной. Внутри его что-то клокотало, злые слова сопровождались бульканьем. Он бил по столу ладонями, и когти на его пальцах громко стучали по столешнице, оставляя светлые царапины. — Утоплю! Утоплю!

Он схватил Степана за рубаху, потянул к себе. Маленькие глаза оказались близко от лица Степана.

— Утоплю! — кричал Водяной.

Заплакала в колыбели Даша. Водяной замер, хватка его ослабла. Он посмотрел в сторону колыбели. Отпустил Степана.

— Ты должен был вернуть её мне! — усталым голосом сказал он. — Страшный долг на тебе! И я приду за ним. Я приду за ним!

Он исчез, оставив в комнате едва ощутимый запах рыбы. Степан сидел за столом сгорбившись, опустив голову, не слыша, как заходится криком его дочь.

Глава 3. Дашка — бесова дочь

Ульяна пришла через три дня. Принесла каких-то трав и козьего молока. Степан, измученный Дашкиным криком, молча впустил её. Не до гордости, когда младенец криком заходится. Ульяна прошла к люльке, долго смотрела на Дашу. Качала головой.

— Дай мужикам волю, вы род человеческий изведёте, — проворчала она. — Чем кормил?

— Да вон, соску ей скрутил, — махнул Степан на стол.

Там лежал узелок из белой тряпки, в котором был пропитанный молоком хлебный мякиш.

— Выжила, значит, — сказала Ульяна Даше. — Крепкая. Ну посмотрим, что из этого выйдет. Поставь воду греться, будем с неё грех материн смывать.

— Колька вчера приходил, жена его Дашке игрушку передала. Говорит, по селу слух идёт, что Маруся с Водяным её прижила. Ты разнесла? — горько спросил Степан.

— А ты хотел, чтобы они знали, что ты с утопленницей не венчанный жил? Такого греха не утаишь. Ладно бы Машка с собой и дочь забрала, так ведь нет. Или ты думаешь, в люльке обычный младенец лежит? Бесова дочь! Всё откроется, дай время. Пусть тебя лучше жалеют, чем боятся. Иначе не видать тебе покоя. Дом сожгут и тебя убьют. А Машке твоей всё равно уже. И Дашке не помочь, лучше бы померла

с матерью.

— Зачем тогда пришла, раз не помочь?

— Мокошь велела, — соврала Ульяна.

Она поставила корыто на лавку, налила туда принесённый травяной отвар, тёплой воды. Опустила в воду Дашу. Зашептала заговор, поливая девочке на лицо:

«Водица-матушка, чиста и светла,

омой рабу Божью Дарью,

смой с неё тьму ночную,

страхи злые, сны плохие,

всё чужое, недоброе — в воду унеси, в глубину утащи.

Как круг воды сомкнётся,

так и круг защиты замкнётся,

нечисть — прочь, беда — стороной,

а слово моё — крепко.

Так есть и будет, пока мир стоит».

Она опустила Дашу в воду с головой. Девочка не испугалась. Смотрела из-под воды на Ульяну распахнутыми синими глазами.

Ульяна теперь приходила каждый день, оставляя Степану беспокойные ночи одинокого отцовства. Время шло, затягивая сердечные раны.

Дашка быстро росла. Шумная, любопытная, упрямая. Жила на два дома: то у бабки заночует, то убегала к отцу, боясь Ульяниного гнева за очередную шкodu. Среди сельской детворы первая заводила и выдумщица на проказы. Особенно сдружилась с Андрейкой, сыном Ульяниного соседа Николы.

Николай приехал со вдовой сестрой Ксенией в Андреевку с Азовского моря, говорил чудно, быстро. Взял за себя калмычку. Круглолицую, маленькую, бойкую. Окрестили её перед свадьбой, нарекли Марфой. Новоявленная христианка крестилась на всё вокруг, иногда путая руку. Быстро освоила новую речь, мешая калмыцкие, русские и украинские слова.

Андрейка получился черноглазым и темноволосым в мать, а коренастой фигурой рос в отца. На селе его прозвали калмычком хохловым сыном.

Дашка по малолетству говорила, что пойдёт замуж за Андрейку, когда вырастет, если у того ноги выровняются. Андрейка заверял, что специально родился с кривыми ногами, чтобы на лошади было скакать удобнее. Но Даша была непреклонна. Она же не кобыла, ей кривоногий мужик не нужен.

Вместе они ходили рыбачить к озеру. Если Даша сидела рядом — улов был хорошим. Была ли то удача или Водяной

благоволил — Андрейке было всё равно. Главное — полное ведро рыбёшки домой несёт.

Как-то возвращаясь домой от Ульяны, Даша остановилась у соседского забора. Андрейкин отец копал яму посреди двора. Даша поставила ведёрко с яблоками на землю, поднялась по плетню повыше, стала следить за работой.

— Чего тебе, Дашка? — спросил сосед.

— Зачем ты, дядька Никола, посреди двора яму копаешь? — спросила Даша.

— Колодец рою.

— Так там же нет воды. Ты разве не слышишь? Прислушайся!

Никола перестал копать, нахмурился, посмотрел в яму. Был он вес кустистый: торчали в стороны брови, лохматились тронутые сединой волосы, бородавка рядом с носом тоже отрастила пучок волос. Никола перевёл взгляд на Дашу.

— Ничего не слышу.

— Ну вот, я же говорю, там нет воды, — радостно улыбнулась Даша. — Копай там, где воду слышно.

— Разве можно услышать воду из-под земли?

— Да, — удивлённо ответила Даша. — Я всегда слышу. Ты нет? Ты, наверное, старый, — озорно добавила она. — И волос у тебя полные уши, вот и не слышишь!

— А ну, иди сюда. Покажи, где воду слышишь, — позвал Никола.

Дашка вошла через калитку. Уверенно прошла мимо ха-

ты, через скотный двор к огороду. Марфа полола сорняки, увидев Дашу, она выпрямилась, поправила белоснежный платок. Круглое её лицо расплылось в улыбке.

— Помогать, что ли, пришли?

— Дашка воду ищет, — насмешливо ответил Никола.

Даша остановилась посреди грядок капусты. Никола оторвал половину подсолнуха, сгрёб пальцами тонкие, ещё мягкие семечки. Насыпал жменю в рот. Стал жевать вместе с кожурой, высасывая сок незрелых семян. Потом сплюнул комок шелухи себе под ноги. Стал отковыривать новую порцию.

— Тут копай, — сказала Даша. — Здесь близко вода.

Николай засмеялся. Марфа оперлась на мотыгу, молча глядя на Дашу.

— Отсюда далеко носить, баба моя руки себе поотрывает, — возразил Николай.

— А там ты себе живот надорвёшь, пока докопаешь до воды, — пожала плечами Дашка.

— Копай, где она говорит, — тихо проговорила Марфа. — С ней Дух Воды говорит.

— Опять ты за своё? Какие духи? Сказано тебе отцом Алексием: во Христа веруй, всё остальное — бабьи выдумки и бесовщина, — разозлился Николай.

— Копай, дядя Никола, вот она, твоя вода! — Дашка звонко рассмеялась, а из-под земли между капустными кочанами вырвалась вверх струя воды. Поднялась фонтанчиком, рас-

сыпалась на блестящие крупные капли и упала на грядки, оставив после себя влажную землю.

Немедленно уверовав в Духов Воды и Дашкино исключительное чутьё, Николай стал рыть колодец там, куда показала Даша. Марфа молча улыбалась. Духи существуют, чтобы там не говорил отец Алексей.

Крышу над колодцем покрасили в синий цвет. Вода в нём оказалась вкусная и студёная, словно текла подземная река из ледника.

Глава 4. Водяника

Ульяна учила внучку хозяйственным делам, строго выговаривала за непоседливость. Даша ластилась к ней, искала материнской ласки. Ульяна держалась отстранённо. Всё приглядывалась, не откроется ли в русалкиной дочери тёмная сила.

Но тёмная сила, если и была в Даше, никак себя не проявляла. Зато проявляло озорство. Изловив соседского кота, Дашка, воровато оглядываясь, спускалась в погреб есть сметану. Она снимала с кувшина тряпочку, макала кошачьи лапы в желтоватую от жирности сметану и, прижимая сопротивляющегося кота коленями, оставляла на полу следы. Потом садилась и ела сметану, макая палец в кувшин. Ульяна находила полупустой кувшин и кошачьи следы, шла ругаться к Андрейкиной матери. Та кивала и обещала наказать серого вора, но кувшин снова оказывался полупустым.

Однажды Дашка после посещения погреба чистила во дворе яблоки, готовила их к сушке. Ульяна подошла к ней сзади и ударила по голой шее пучком крапивы.

— Ааа! — закричала Даша и отскочила, рассыпав яблоки.— Бабушка, за что?

— За сметану! — выкрикнула Ульяна.

— Это не я, это кот! Это кот! — крикнула в ответ Дашка и побежала со двора.

В степи бабушка не догонит, а до завтра остынет и будет только иногда ворчать. А от ворчания не больно.

— А тряпку кот обратно на кувшин примотал? — кричала вслед Ульяна, размахивая крапивой.

Она попыталась догнать Дашку, но та уже выскочила за калитку и припустила к себе домой через степь, приподнимая подол сарафана, обнажая босые грязные ноги.

Траволечение было Даше неинтересно. Все травы для неё были одинаковыми и годными только венки плести. А когда лекарь путает тысячелистник со зверобоем, толку не будет.

Ульяна водила её в степь, терпеливо показывала растения, повторяла, от какой болезни что следует принимать. А Дашка вдруг срывалась с места и бежала догонять вихри, закрутившие коричневую пыль на просёлочной дороге.

— Дашка! Вернись, бесова дочь! То черти свадьбу играют, не суйся! — кричала Ульяна. — А то к себе заберут!

Но Дашка не боялась. Бежала за пыльным столбом, визжала от восторга. Тощая косица моталась у неё за спиной, как хвост у расшалившегося жеребёнка.

Растекалось маревом пекло над степью. Заливалась в небе птица звонкой песней. Есть в этой жизни страхи побольше, чем чёртовы свадьбы.

Не получилось и с заговорами, отпугивающими боль. Не было в Дашке никаких особенных способностей, не было и рассудительной усидчивости. Обычная девчонка. Худая, веснушчатая, весёлая. Любимым занятием её было носиться

по степи на рыжем отцовском коне, вцепившись в гриву.

А ещё Дашка пела так, что у слушателей замирала душа, закипали у горла слёзы, рождалась и умирала надежда. Селяне любили Дашку. Жалели её сироту, растущую без матери. А что слухи про неё ходят, так про кого их нет?

На посиделки Дашу звали охотно. Хоть и мала ещё взрослые девичьи разговоры слушать, но никто так душевно не пел песен про любовь и разлуку.

К двенадцати годам Даша считала себя взрослой. Пыталась подражать старшим подругам, кокетливо опускающим ресницы от мужского внимания. Впрочем, внимания Дашке пока никто не оказывал. Она слушала девичьи разговоры, все эти полунамёки и вздохи и ждала, когда же будет допущена к их тайнам. Но заметив её внимание, девушки замолкали.

Селяне приходили к Даше узнать, будет ли дождь, снежная ли будет зима и когда начнётся летняя засуха. Она ни разу не ошиблась в прогнозе и никак не могла понять, почему люди не знают таких очевидных вещей. Ведь воду же слышно. Где-то внутри, кожей, кончиками пальцев. Но ведь слышно же!

На сенокосе делянка Степана граничила с Николаевой. Ставили телеги рядом, в них же отдыхали. Мужики косили, Дашка с Марфой и Андреевыми сестрёнками загребала траву, укладывала в стожки.

В послеобеденное пекло прятались под телегами, отдыха-

ли. Расстелив на земле покрывало, Марфа выкладывала из узелков хлеб, овощи, холодную курятину. После обеда расползались, кто куда переспать жару в душной, пахнувшей травой тени.

Дашка, вытянув уставшие грязные ноги, прислонялась спиной к колесу телеги. Обожжённая солнцем кожа чесалась. Травинки, попавшие под одежду, кололись. Потная рубашка неприятно липла к телу. Хотелось окунуться в прохладную воду озера, смыть с себя грязь и усталость. Андрейка присел рядом.

Он разрезал крупный пупырчатый огурец вдоль, поцарапал остриём ножа светло-зелёную поверхность. Запахло травяным сочным огуречным духом. Андрей макнул одну половинку в соль, горкой насыпанную на обрывке бумаги, в которую была завёрнута. Соль была крупной, чуть горчила. Брали её рядом на Маныче. Водилась она в хозяйстве вольно.

Андрей потёр половинки огурца друг о друга, протянул одну Даше, хрустко откусывая от своей крупный кусок.

— Тут раньше было очень много воды, — сказала Даша. — Все́й этой земли не было. И травы не было. И Андреевки. — А что было? — спросил Андрейка.

— Вода. Солёная. До самого неба. И плавали в ней чудо-рыбы.

— А куда потом вода делась?

— Под землю ушла. Шумит теперь где-то глубоко. Если лечь на землю, то слышно.

— Чудная ты, Дашка. Как вода может под землёй шуметь?

Даша подняла палочку, принялась копать в земле ямку. Поймала красного жучка с чёрными пятнышками на спинке. Сунула его в ямку, закопала и соорудила из палочки крест, установила над «могилой». Ей никто не верил. А мама бы, наверное, поверила. Только не было её.

— Зачем живого хоронишь? — спросил Андрейка, укладываясь под телегой.

— Что же мне его убить? Так он выползет.

Она выкопала ещё одну ямку, завертелась, отыскивая нового «покойника». Андрейка прихлопнул надоедливо лезшую в лицо муху, бросил мёртвое насекомое в ямку.

— Пойдём на Купалу на кладбище, папоротник искать? — спросила Даша.

— Не-а, батя заругает, — протянул Андрейка.

— Всю жизнь будешь у бати разрешения спрашивать? Зачем мне такой муж?

— Лучше спрячемся в ивах и посмотрим, как Водяной с русалками на берег выйдет, — предложил Андрей.

— Не боишься? Ты у него, наверное, всю рыбу переловил. Вот выйдет и отгаскает тебя за уши.

— Ты хоть бы дождя нагадала, — проворчал Андрейка, закрывая глаза. Смаривал сон.

— Я не гадаю, — ответила Даша. — Просто слышу. А дождь пойдёт не раньше Ильи.

— А ты попроси, Даша, — тихо сказала с телеги Марфа.

— Дух Воды услышит тебя и пошлёт дождик. Погорит ведь всё в огородах с такой жарой.

Даша легла на землю рядом с Андрейкой. Глаза её слипались. Под землёй тихо, влажно, шумел древний океан. Он перекачивал волны, пенился, врываясь в Дашин сон солёными брызгами. А может, и нет никакого океана. И всё это просто память земли о чём-то далёком, ушедшем.

Дождь пошёл на Ильин день, как и говорила Даша. Вода омыла пыльные, словно уставшие от жары листья, наполнила степь. Август, жаркий, коричневый, пыльный повернул на осень. Засобирались в дорогу гуси, гогоча и поднимаясь над землёй в пробном полёте. Убраны хлеба. Пришла пора свадеб. До самого Рождественского поста жила Андреевка шумно и весело. А потом затихала.

По четвергам всю длинную зиму и край весны девушки собирались у старой вдовы Кобылихи на попрядухи. Приносили с собой шитьё, вязание, прялки. В четверг много не наработаешь. Как засереет вечер, прялку надо покрыть полотенцем и не прядь до субботы. Иначе придёт Пятница и спутает всю пряжу. А потому чуть только за вечереет, работа останавливалась. Приходили парни, начинались танцы, игры, песни и переглядки.

В Сочельник ходили всей гурьбой колядовать. Андрейка в вывернутом тулупе изображал чёрта и держал мешок, в который грозился засунуть жадных хозяев. Дашка с размалёванным лицом была не то кикиморой, не то лешачихой. Громко

и звонко пела она колядки:

«Ой, радуйтесь, люди,

Сын Божий в дом пришёл!

Мы пришли колядовать,

Добро в хату зазывать:

Чтоб пшеница уродилась,

Чтоб скотинка плодилась,

Чтоб телятушки — по парам,

Чтоб овечки — с кудрями!

Чтоб у бабы пироги,

А у деда — сапоги,

А у деточек — игрушки,

И тепло было в избушке!

А хозяину — добра,

Здоровычка на века,

Чтоб трудился не тужил,

И с удачей дружил!»

Девушки дружно подхватывали песню, переодетые нечистью парни грозили жадным хозяевам неурожаем. Но селяне колядовщиков привечали. Мешок в Андрейкиных руках быстро наполнялся угощением. Делить угощение шли в хату к Кобылихе.

— Помнится, когда я девкой была, мы не сидели по хатам в такую ночь, — ворчала старуха, угощаясь пирогом из мешка. — Гадать ходили на суженого. Когда ещё судьбу свою узнаёшь?

— Куда ходили, бабушка? — спросила Даша, подвигая к старухе пряник.

— А на гумно. Задираешь сарафан, да съешь голый зад в окошко. Если мягко гуменник погладит, то хорошо тебе замужем будет. Если лапа тёплая и волосатая, то к богатому мужу. А если ударит, то лучше не ходить замуж. Битая будешь, — отвечала Кобылиха, забираясь на печь.

— Что же тебе нагадал гуменник?

— Мягкой лапой погладил. Только вот не сказал, что мужик мой не только ко мне ласковым будет. Всю жизнь по бабам таскался, чтоб ему на том свете черти каждую припомнили. Уходить будете, свечу погасите.

Девушки переглянулись. Даша знала эти взгляды! Сейчас придумают, как спровадить тех, кто младше по домам, и начнётся самое интересное.

Разделив угощение, Аксютка — рыжая толстая дочь па-сечника строго велела Дашке и другим «малькам» идти по домам. «А то мамки с кочергами придут», — строго сказала она, выпроваживая детвору.

В другой день Даша бы воспротивилась. Не так она и мала. Но гадать её всё равно бы не взяли, а значит, надо прийти на место гадания первой. И она, прижимая к груди платок с пряниками и домашней колбасой, побежала на гумно.

Луна выкатилась на небо такая, что и огонь не нужен. Круглая, белая, в радужном ореоле. Морозная тихая ночь поскрипывала снегом под Дашиными валенками. Кобылихин кобель заворчал в будке, когда Даша прошла мимо него. Она дала ему кусочек колбасы, тут же приобретя верного и молчаливого друга.

Даша тихонько открыла деревянную дверь и проскользнула на гумно. Быстро оглядевшись, решила спрятаться в сене. Она поднялась по короткой лесенке на полку, где лежал ворох сухой травы. Полезла в пахнущее летом, мягкое сено. С кем-то столкнулась, хотела было завизжать, но узнала Андрейку.

— Ты чего тут? А ну, домой иди! — погнал он её.

У дверей снаружи раздались приглушённые голоса.

— Завизжу, — прошептала Даша, обещая испортить Андрейке удовольствие.

И утвердительно покачала головой, чтобы Андрейка уж точно поверил. Андрей прижал палец к губам.

Они затихли, распластавшись на сухой траве. Голоса снаружи стали громче.

— Тихо вы, — сказал кто-то, открывая дверь.

На гумно вошли три тёмные фигуры. На парнях всё ещё были вывернутые тулупы и мохнатые шапки. Лица их были размалёваны так, что любая нечисть напугается. Андрейка разочарованно повернулся к Даше. Не видать им нечистика. Она прижала палец к губам.

Парни встали у окошка, прижались к стене и стали ждать. Наконец, снаружи послышались шаги и тихие голоса. Гадальщицы. Догадавшись, что сейчас произойдёт, Дашка закрыла ладошками рот, чтобы не рассмеяться заранее.

— Я первая, — громко заявила снаружи Аксютка.

Девушки пытались возражать. Они ещё у Кобылихи договорились, кто за кем будет зад в окошко совать. Но Аксютка никого не слушала.

Дашка вытянула шею, чтобы хорошенько рассмотреть, что будет дальше. В маленьком окошке появился голый белый девичий зад.

— Гуменник, батюшка, какой будет у меня муж? — спросила Аксютка.

Дашка закрыла ладошками лицо, стесняясь Андрейки, но раздвинула пальцы, чтобы видеть, что будет дальше.

— Гуменник, батюшка... — снова позвала Аксютка.

Голос у неё был требовательный, но в нём уже звучало беспокойство. А вдруг гуменник не отзовётся? Ходить Ак-

сютке незамужней?

Девушки снаружи посмеивались. Дашка тихо хихикала, зажимая ладошкой рот. Парни у окошка переглядывались. Один из них сильно и звонко шлёпнул Аксютку по задку. Девушка, не удержавшись на ногах, полетела лицом в снег. Подружки её завизжали и бросились прочь. Аксютка пыталась подняться, путаясь в подоле, бормотала молитву и клялась себе больше никогда не пытаться судьбу.

— Гуменник, батюшка, нагадай нам с Андрейкой петушков сладких, а то как бы мы не разболтали, кто Аксютку по задку шлёпнул, — выпалила Дашка, сама не ожидавшая от себя такой смелости. Петушков им не дали, но и за уши не оттащали. Погнали по домам.

Утром Даша жаловалась Ульяне.

— Я так хотела гуменника увидеть, — она потянулась к жёлтому куску масла и тут же получила по руке ложкой.

— Куда в масло ножом? У коровы вымя болеть будет. Ложкой возьми. Придёт время — увидишь. Всех увидишь. Скоро уже.

Даша верила, кивала. Бабушка про всех знает. А про Дашу особенно. И если говорит, что скоро, значит, так это и есть.

Так бы и жили, пока в своей защите Дашке не отказал Бог.

Даше тогда уже исполнилось четырнадцать. Обнаружив утром кровь оттуда, откуда не ждала, она бросилась к Ульяне за помощью. Кто, если не знахарка спасёт её от страшной смерти?

Ульяна выслушала сбивчивый рассказ сквозь перепуганные всхлипы, растянула тонкие губы в улыбке. Даша умоляюще смотрела на неё.

— Бабушка, помоги! Не дай помереть, — попросила она.

Ульяна подошла к ней и с размаху ударила по лицу. Даша вскрикнула, схватилась за щеку, на которой алело красное пятно.

— Чтобы всегда вовремя приходили, — объяснила Ульяна. — Вот что, Дашка, ты теперь не ребёнок. Узнаю, что на коне носишься, изведу его. Ленту в косу вплетёшь. Девка ты теперь. Можешь жениха себе приглядывать.

Она рассмеялась. Даша улыбнулась сквозь слёзы.

— Чего его приглядывать? Вон он за соседским забором живёт, — проговорила она.

Ульяна горько усмехнулась.

В тот год на рождественскую службу Даша пошла во всей красе. Вместе с Ульяной они сшили для Дашки шерстяную юбку в красную клетку, украсили подол атласной лентой. Степан подарил дочке жемчужные серьги. Смущаясь, он что-то сбивчиво говорил про мать. Даша обняла его, уткнулась в тёплое, пахнущее табаком родное плечо. Степан горестно вздохнул. Не дожидая Маруся, не видит какой выросла дочь, как похожа она на его русалку. В косу Дашка вплела алую ленту.

Шла рядом с отцом, высоко поднимая голову. Как королева. Даже словно выше ростом стала. Пушистыми хлопьями

ложился снег на её тулупчик и яркий шерстяной платок. Засыпал протоптанные узкие тропки. На душе было солнечно.

У церкви собрался народ. Бабы празднично наряженные, девки с румяными щеками. Парни бросали в девушек снежки, подшучивали. Матери грозили все уши шалунам оборвать. А Дашке хотелось кричать от счастья. Она почти невеста. Скоро будет в её жизни шумная свадьба. С песнями, плясками, завистью незамужних подруг. И любить её будет жених так, как ещё не бывало на этом свете. И пусть ноги у него так и не выровнялись, разве это беда?

Церковь в Андреевке была небольшой, сложенной из красного кирпича, с тремя куполами и колокольней. Построили её на месте молельного дома. И казалась она отцу Алексию настоящим дворцом. Звон от колоколов разливался на всю округу — заслушаешься.

Алексий привёз из Полтавской губернии чудесную старинную икону. Говорили, что икона эта любую беду отведёт, любую хворь вылечит. Говорили. Но лечить хворь бегали к Улье.не.

Перед церковью была площадь, на которой по воскресеньям устраивали базар. Продавали здесь соль из Маныча, мёд, шерсть и всё, что было в хозяйстве в избытке.

С этой площади начинали свой совместный путь повенчавшиеся. Отсюда же несли покойника к старому кладбищу, расположенному так далеко от церкви, что последний путь проходил почти через всё село.

Даша споткнулась у порожка церкви. Степан подхватил её за руку, чтобы не упала. Даша снова попыталась подняться на ступеньку, но нога скользнула мимо. Смех вокруг затих. И с третьей попытки Даша не смогла войти в церковь. Люди расступились, стараясь отойти от неё подальше. Они крестились и шептались.

— Смотри, Дашка в церкви войти не может, — громко сказала тётка Наталья, пихнув локтем соседку. — Правду говорят, что мать её от Водяного прижила.

— Водяника! — бросил кто-то из толпы.

Даша растерянно осматривалась. Поскользнулась она! Напряжение в толпе росло. Даша поставила ногу на ступеньку. Сейчас всё получится! Сердце заколотилось от страха, на глаза навернулись слёзы отчаяния. Нога снова соскользнула. Степан отпустил её руку, отступил на шаг. И Даше показалось, что у ног её разверзлась пропасть. Не перешагнуть, не перелететь. Она смотрела на людей, рядом с которыми выросла и видела чужие испуганные настороженные глаза.

Люди, крестясь, входили в церковь, рассудив, что только там можно укрыться от нечистого Дашкиного взгляда. Они со Степаном остались на церковном дворе одни. Отец смотрел то на неё, то на церковную дверь. Остаться с дочерью или со всеми? Что выбрать? Верность Богу или любовь к собственному ребёнку?

— Иди батенька, помолись за меня, — сказала Даша отцу, видя, как рвётся его душа от жалости к дочери и от страха,

что Бог и ему откажет в милости. Степан лучше всех знал, что в том, что Даша «поскользнулась» на церковном пороге, была его вина. И от этого было ещё страшнее. А сможет ли он подняться на порог церкви? — Иди, батя, иди, — тихо повторила она.

В ней вдруг появилось что-то взрослое, как будто в эту минуту она поняла что-то важное, непостижимое, недоступное Степану. Он послушался.

Степан вошёл в церковь. Оттуда доносилось пение, славящее рождение Христа. Даша постояла немного слушая. Слезы замерзали на щеках, склеивали ресницы. Она снова попыталась подняться на ступеньку. Нога соскользнула. Даша повернулась и пошла домой. У церковной ограды стояла Ульяна.

— Не пустил, значит? Меня тоже не пускает. Но когда закрывается одна дверь, открывается другая. Только выбери правильную, — сказала она, вытирая слёзы на Дашином лице краем её нарядного платка.

— Что мне делать, бабушка? — спросила заплаканная Даша.

— Это тебе решать, не им, — кивнула Ульяна на церковь. — Пошли, не к чему тут мёрзнуть.

Она обняла Дашу за плечи. Праздник закончился. Душа больше не пела, не хотелось улыбаться. Даша сгорбилась, словно под тяжестью, стала похожа на маленькую наряженную старушку. Они молча шли прочь от церкви.

В тот день раскололась Дашкина жизнь на две половинки. Слух больше не был выдумкой. Войдя в хату, она сняла с шеи крестик, положила его в божницу и закрыла кружевную занавеску. Как у бабушки. Стало неуютно, словно стоит голая на базарной площади.

Потом Даша долго смотрелась в зеркало. Разве похожа она на Водяного? Он ведь, наверное, чудовище. Проплакав полночи, она решила, что Ульяна права. Никто не будет указывать, как ей жить и кем ей быть. Обида на людей была так велика, что Даша решила больше в село не ходить. Ну если только в гости к бабушке.

С отцом они сделали вид, что ничего не произошло. Даша сгорала от любопытства, так ей хотелось узнать правду о своём рождении. Но спросить Степана боялась. Боялась ответов.

На Крещение утром Даша набрала воды из проруби и почти приладила ведра на коромысло, как заметила под прозрачным льдом движение. Она подошла ближе, ожидая увидеть рыбу. С той стороны льда смотрело на Дашу женское лицо.

Русалка прижала ко льду ладони и улыбалась, маняще, приветливо. Дашка от неожиданности поскользнулась, бухнулась на лёд, ушиблась. Рядом с первой русалкой появилась вторая. Они смеялись, переглядываясь. Даше было хорошо видно, какие синие у них глаза и бледная, словно снег, кожа.

— Господи, спаси и сохрани, — привычно зашептала

Дашка отползая.

Дома она снова смотрелась в зеркало. Глаза русалок, такие синие, большие, холодные были в точности как у самой Даши. Русалки улыбались, не гнали её, не морщились брезгливо. Радовались ей, как своей. Водяниха она и есть.

Мысли эти весь день крутились в Дашиной голове. Она всё прислушивалась к себе. Обидно? Или не очень? Что, если подводный мир был бы к ней добрее, чем земной? Но если это правда, придётся поверить, что мама согрешила так страшно, что не может этому быть прощения. И Даша гнала от себя мысли о Водяном. Старалась жить, как прежде.

В село она ходила редко. Подруги больше не звали её на посиделки и в гости не приходили. Взрослые избегали. Девтора дразнила Водянихой.

Зима сменилась весной. Лето осенью. За годом прошёл ещё один. Наливалось Дашкино тело спелостью, цвела в душе весна. Пустоцветом цвела. Нет ей жениха в Андреевке. Какая мать отдаст своего сына Водянихе?

Бывшие подружки по детским играм выходили замуж. А Даша смотрела на их свадьбы издали, не смея приблизиться. Боялась навлечь на себя гнев селян. Не место Водянихе на свадьбе, как бы невесту не испортила завистливым взглядом.

Как-то в середине весны Ульяна слегла. Даша ходила к ней, помогала чем могла. Знахарка принимала её заботу молча. Иногда в её взгляде Даша видела жалость. Но не могла понять, о чём жалеет старая ведьма. Даша ухаживала за ней,

кормила скотину, полола сорную траву в огороде.

Домой Даша возвращалась вечером. Скоро придёт корова из стада, надо встретить. Весна в этом году выдалась ранняя, тёплая. Зацвела степь. На душе было празднично, светло.

Из соседнего дома слышался женский крик. Дуняшка, средняя дочь плотника, просватанная и пропитая, как того требует обычай жаловалась-причитала что есть мочи.

— Ой, батюшка, что же ты наделал? Ой, матушка, да как же я теперь буду? Пропили меня, просватали. Чужим людям отдали. Несчастливая я, ох, что же вы наделали? Сестрёнки мои, как мне жить без вас?

— Ой, Дуняшенька, на кого ты нас оставляешь? — заголосила мать невесты.

— Ой, люди добрые! Вы послушайте про моё горе! Жила я с матушкой и горя не знала. Отведут меня к свекровушке на печаль, на беду-уу. Будет она мной помыка-а-ать.

Закричали-запричитали сёстры Дуняшки. Кричали они уже неделю каждый вечер, жалуясь на горькую долю. Невеста к собственной свадьбе охрипнет и будет этим горда, не меньше чем сохранённой до брака невинностью.

Даша стояла под окном страдающей невесты, слушала крики и улыбалась. Представляла себе, как просватают её за хорошего парня. И будет она вот так же, как Дуняшка кричать-причитать на всю Андреевку, пряча в фальшивых слезах настоящее счастье.

— А ты, тятенька, нежалостливый! Согнал со двора до-

ченьку свою, белую лебёдушку. Отдал волку серому, волку страшному! — вошла во вкус Дуняшка. — А как тот волк заберёт меня из дома родного, унесёт меня в степь бескрайнюю.

— Ой, Дуняшенька, да на кого ты нас оставляешь? — голосили сёстры.

Даша подошла к хате и привстала на цыпочки, чтобы заглянуть в окно. Дуняшка сидела за столом, перебирала крупу. Никакой печали на её лице не было. Сестрицы её были заняты шитьём и успевали между криком о несчастной Дуняшкиной доле перешёптываться.

— Дашка, пойди сюда, покажу что-то, — раздался позади голос.

Даша обернулась. Из-за угла дома выглядывал Фёдор, рыжий плотников сын и, таинственно кивая, звал её за дом.

— Чего тебе, Федька?

— Ну иди, не бойся, — позвал Федька, таинственно улыбаясь.

— Чего мне тебя бояться?

Даша зашла за угол дома. Фёдор тут же прижал её к стене, навалившись телом и, перекрыв путь к отступлению, уперевшись ладонью в стену. Второй рукой он поднял Дашин подбородок и неуклюже поцеловал в губы. Колючие Федькины усы щекотали под носом. Остро пахло самогоном и луком. Даша вывернулась, упёрлась руками в его грудь

— Отпусти, а то закричу, — сказала она.

— А кричи, — позволил Фёдка и снова попытался поцеловать её. — Кто тебя за этими воплями услышит?

Даша попыталась оттолкнуть его, но парень был сильнее. Она присела, выскользнула из его объятий, но бежать было некуда. Рядом забор, а на пути к спасению, раскинув руки, стоял, ухмыляясь, Фёдор.

— Ну, иди ко мне, голубушка! Иди ко мне, любушка!

— Шёл бы ты, Фёдор, от греха, — хмуро отозвалась Даша.

— Куда? — насмешливо спросил Фёдка приближаясь.

— Туда! Пинать верблюда. Пока лежит, а то убежит.

— Неласковая ты, Дашка. Может, в жилах у тебя вода?

Иди, проверим!

— Женись, а потом уже рукам волю давай, — огрызнулась

Даша.

— Жениться? Да кто на тебе женится? Ты же Водяника! Начнёшь жабонят рожать без остановки, — Фёдор захохотал, довольный своей шуткой.

Даша отодвинулась в самый угол, упёрлась спиной в черенок забытой хозяевами лопаты. Парень, смеясь, пошёл к ней. Даша быстро развернулась, схватила лопату и ткнула Фёдора черенком в живот. Парень согнулся, застонал. Даша побежала мимо него. Фёдор ухватил её за юбку. Даша огрела его по спине лопатой, Фёдор взвыл и отпустил её. Даша побежала прочь. «Во-дя-ни-ха» — выстукивало перепуганное сердце. Обидное слово билось в голове. Громкое, острое, злое.

Добежав до дома, Даша вошла в конюшню, вывела рыжего

Ветерка, уселась на его спину и, стукнув по бокам пятками, направила коня в степь. Ветерок, почуяв волю, рванул изо всех своих лошадиных сил к горизонту. Степь летела под его копытами, сливаясь зелёное море. Ветер выбивал из Дашкиных глаз слезы, и за них не было стыдно. Они ведь от ветра, а не от обиды. Её коричневая юбка высоко поднялась, обнажая круглые, словно яблоки, колени. Коса плетью била по спине.

— Э-эй! — кричала Дашка, раззадоривая Ветерка.

А тот и рад был лететь, едва касаясь копытами земли. Далеко позади осталась Андреевка и Марьино озеро. Впереди висело закатное солнце. Желто-горячее, похожее на куриный желток. Зелёная степь сменилась пёстрым тюльпановым полем. Ветерок нёсся по нему, ломая копытами хрупкие стебли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.